

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 33(091)(47+57)

РЕЗОНАНСНЫЕ КОНЦЕССИОННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПЕРИОДА ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1919–1920 ГОДЫ)

В. В. Булатов

Волгоградский государственный университет
E-mail: vbulatov@rambler.ru

В статье рассматриваются самые крупные концессионные предложения иностранных предпринимателей в период военного коммунизма. Эти предложения примечательны тем, что они были сделаны советскому правительству еще до принятия в Советской России декрета «Об общих экономических и юридических условиях концессий». В свою очередь, этот декрет по праву считался первым предвестником отхода советского руководства от политики военного коммунизма.

Ключевые слова: советская концессионная политика, военный коммунизм, лесные концессии, горные концессии, железнодорожные концессии.

Resonance Concession Offers of the «Military communism» Period (1919–1920)

V. V. Bulatov

The largest concession offers made by foreign businessmen to the Soviet government during the «military communism» period are considered. Those concession offers are remarkable because they had been made to the Soviet government before the Decree «On the General and Legal Conditions of Concessions» was accepted in Soviet Russia. That decree was also considered as the first harbinger of the Soviet government withdrawal from the «military communism» policy.

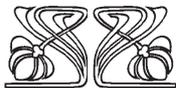
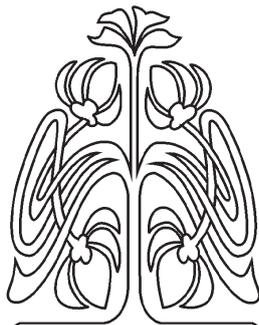
Key words: Soviet concession policy, «military communism», wood concessions, mining concessions, railway concessions.

С точки зрения хозяйственного развития первые пятнадцать лет существования советской власти подразделяются на два периода:

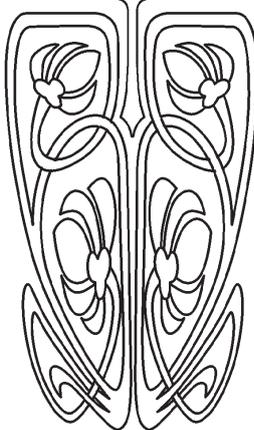
- 1) период военного коммунизма – с середины 1918 г. по март 1921 г.;
- 2) период новой экономической политики – с марта 1921 г. до начала 1930-х гг.

В период 1918–1920 гг. из экономики Советской России последовательно устранялись как все элементы товарного хозяйства, так и имущественные отношения частно-правового характера: к минимуму сводилось проявление частной инициативы, были запрещены свободный обмен и реализация товаров со свободным ценообразованием, аппарат товарного рынка был ликвидирован. Причем эти принципы проводились в жизнь столь последовательно, что к началу 1921 г. вся хозяйственная жизнь Советской России оказалась во власти госрегулирования, а элементы товарно-капиталистического хозяйства почти все были устранены, то есть огосударствление экономики носило почти тотальный характер. Свободными от огосударствления остались лишь те сферы экономики, где исключительно индивидуальный характер производства устранял саму возможность обобществления¹.

Речь идет о крестьянском и кустарно-ремесленном хозяйствах, которые продолжали сохранять свою частно-правовую природу. Однако и в этих видах хозяйств некоторые их стороны попали в зону жесточайшего государственного регулирования. В силу установления государственной монополии на большую часть сельскохозяйственной продукции (хлеб и пр.), а также продовольственной разверстки вся

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

продукция крестьянских хозяйств изымалась из свободного распоряжения производителей и становилась достоянием государства. Кустарно-ремесленные предприятия подобным же образом должны были работать по заданиям государственных органов, сдавать им свою продукцию и выполнять их заказы².

Общее состояние экономики страны в период военного коммунизма характеризовалось разрывом хозяйственных связей, обвальным падением промышленного и сельскохозяйственного производства, «проеданием капитала» (дезинвестициями), гиперинфляцией, разрушением кредитно-денежной системы, прогрессирующей натурализацией хозяйства и государственного бюджета, отсутствием легального частного оборота, деградацией внешней торговли, жесткой централизацией казенного производства и снабжения и т. д. Страна сползла к состоянию экономической катастрофы.

Практически сразу же после прихода к власти советскому правительству стало очевидно, что для восстановления транспорта, добывающей и обрабатывающей промышленности необходим импорт средств производства. Для удовлетворения насущных потребностей населения необходим был импорт товаров потребительского спроса. Но по оценке Высшего совета народного хозяйства РСФСР (ВСНХ) требуемый объем импорта во много раз превышал наличный платежный фонд государства. Добыть средства для обеспечения импорта можно было за счет форсирования экспорта отечественного сырья и промышленных изделий. Однако наладить экспорт опять же было невозможно без восстановления транспорта и промышленности.

Вот и оставалось констатировать: «Получается порочный круг: получение из-за границы орудий и средств производства для восстановления транспорта и средств промышленности невозможно без увеличения экспорта, и увеличение экспорта немислимо без предварительного получения из-за границы необходимых локомотивов, рельс, станков и других орудий и материалов производства»³.

По ряду причин импорт иностранного капитала на заре советской власти возможно было осуществить лишь в виде концессий, которые представлялись единственным средством оплаты импорта необходимых для восстановления экономики товаров. Они виделись единственным средством для разрыва «порочного круга». При этом сами экономические принципы советской власти открыли самые широкие в российской истории возможности для применения концессий, ибо именно на почве советского права стал наблюдаться стремительный рост числа предметов, изъятых из частного оборота. В основу советского законодательства изначально закладывалась мысль о том, что земля, недра, средства производства и т. д. не могут быть предметами частной собственности. Передача их в пользование частным лицам допускалась только

специальными актами государственной власти, через предоставление концессий⁴.

Первые попытки добиться импорта производительного капитала в форме концессий относились к самому началу 1918 г. Тогда глава советского правительства В. И. Ленин во время своих бесед с полковником Раймондом Робинсом – руководителем американской миссии Красного Креста в России – фактически пригласил американских и других иностранных инвесторов к участию в концессиях⁵.

В течение первой половины 1918 г. переговоры о возобновлении торгово-экономических отношений велись с Германией и Японией и т. д.

Последовавшая Гражданская война 1918–1920 гг. в России и сопутствовавшая ей иностранная интервенция отодвинули концессионную политику на второй план. Однако интерес к ней советское правительство продолжало проявлять, руководствуясь, правда, больше политическими соображениями. «В моменты, угрожавшие самому существованию власти рабочих и крестьян, – писал В. Бутковский, – мы готовы были, ценой предоставления концессии, откупиться от империалистических хищников, мы готовы были пойти на многое, лишь бы нас оставили в покое». В этом же русле следует рассматривать переданное по радио 4 февраля 1919 г. заявление советского правительства. Там ясно было сказано: «Мы согласны предоставить концессии по выбору самих капиталистов»⁶.

Но западный деловой мир, ожидая падения власти большевиков, не торопился выдвигать какие-либо приемлемые концессионные предложения. Кроме того, районы предполагаемых концессий либо уже контролировались антибольшевистскими силами, либо находились в зоне боевых действий противоборствующих сторон.

Вообще на всем начальном этапе проведения советской концессионной политики превалировала политическая целесообразность. «Если бы мы даже не заключили ни одной концессии, то самые шаги, предпринятые нами к заключению их, были бы выгодны для нас», – писала Н. П. Дергачева⁷.

Официально поддерживаемая концессионная политика становилась инструментом сдерживания наиболее агрессивных кругов Запада от прямого военного вмешательства. Декларируя идею сдачи концессий иностранцам, советское правительство давало Западу надежду на хотя бы частичную компенсацию (если не возврат) национализированной иностранной собственности.

Несмотря на невозможность для Советского государства в то время приступить к реализации концессионной политики, прецеденты все же были. В день упомянутого заявления советского правительства – 4 февраля 1919 г. – СНК РСФСР принял первый документ о разрешении конкретной концессии⁸.

Речь идет об известной концессии на сооружение Великого северного пути. В постановлении

СНК РСФСР от 4 февраля 1919 г., в частности, говорилось: «Данную концессию признать желательной и осуществление ее практически необходимым». Для составления концессионного договора, который обещал стать первым в советской концессионной практике, при ВСНХ была образована комиссия, куда вошли представители наркоматов финансов, земледелия, юстиции, военных дел, а также Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Комиссия должна была в двухнедельный срок представить проект концессионного договора с соискателями⁹.

Но все эти мероприятия оказались всего лишь первой попыткой перевести концессионное предложение в практическую плоскость предоставления концессии. Соискателями концессии выступили русский профессиональный художник Александр Алексеевич Борисов и норвежский банкир Эдвард Ганневи́г. Предложение от них поступило 26 июня 1918 г. в Комиссию по рассмотрению проектов о концессиях при СНК РСФСР, то есть еще в период действия Брест-Литовского мира. Концессия предполагала сооружение участков железных дорог:

- 1) Петроград – Котлас через Вельск;
- 2) Сорока – Котлас через Шенкурск – Красноборск;
- 3) Котлас – река Обь (станция Атлымская) через Усть-Сысольск и участок до пристани Якша на реке Печора.

Общая протяженность этой железнодорожной магистрали составляла свыше 6 тыс. верст – проект и по нашим временам более чем грандиозный. Кроме дороги в концессию группе Борисова – Ганневи́га предполагалось сдать 8 млн десятин лесной площади. Из них 2 млн предназначались для собственных нужд дороги, а 6 млн десятин подлежали отводу под лесопромышленную эксплуатацию¹⁰.

Очевидной была попытка сдачи концессии на комплекс объектов – сооружение и эксплуатацию железной дороги и эксплуатацию лесных площадей. Именно доходы от эксплуатации лесов предназначались для осуществления транспортного проекта. Такая идея была привнесена из американской практики железнодорожного строительства. Но концессия этим не ограничивалась.

Ее условия предполагали более широкую программу деятельности. Одним из наиболее важных был вопрос о колонизации (заселении) огромного северного края. То же относилось и к вопросу о создании необходимой инфраструктуры для существующих населенных пунктов, то есть чтобы вместе с дорогой они могли обеспечить себе электро- и водоснабжение и т. д. Концессия испрашивалась сроком на 48 лет. В пользу государства потенциальные концессионеры предлагали отчислять фиксированный процент валового дохода от лесных операций¹¹.

Предполагалось развитие проекта в виде продолжения пути до Амура. При его реализации

могли быть задействованы и водные пути, которые он перерезал. Благодаря этому появлялась возможность выхода к колоссальным лесным богатствам Русского Севера и Сибири к Печоре и Двине, бассейнам Камы, Волги и т. д. Продолжение железнодорожного пути по Сибири создавало условия для использования сибирских рек в целях дешевой транспортировки леса, хлеба и пр.¹²

Соискатели рассчитывали мобилизовать для дела главным образом американский капитал в товарной форме. Сама идея проекта принадлежала художнику А. А. Борисову, который обещал привлечь капитал через норвежское АО «Ганневи́г». Фирма располагала банком в Нью-Йорке, пользовалась доверием американских бизнесменов и обладала «большим» океанским тоннажем¹³.

Под «большим океанским тоннажем», вероятней всего, подразумевался флот американской паровой компании «Роберт Доллар». В 1922 г. на заседании секретариата зампреда СНК РСФСР А. И. Рыкова сообщалось о причастности компании «Роберт Доллар» как к «затее Вандерлипа» (о которой будет сказано ниже), так и к концессионному предложению по Великому северному пути¹⁴.

Привлечение американского капитала могло быть обеспечено не только за счет использования связей банкира Э. Ганневи́га с американцами. Александр Борисов сам имел знакомства в среде высшей американской бюрократии, чему когда-то поспособствовал выдающийся русский премьер С. Ю. Витте. История их знакомства началась летом 1894 г., когда Витте, отправляясь в деловую поездку на Север, «в последний момент» решил взять с собой Александра Борисова, тогда еще студента Санкт-Петербургской академии художеств. Тот, будучи сыном архангельского крестьянина, в юности обучался основам живописи в иконописной мастерской Соловецкого монастыря, где его талант был замечен генералом Гончаровым. С Соловков генерал привез А. Борисова в Санкт-Петербург¹⁵.

Витте всемерно содействовал дальнейшей карьере Борисова как профессионального пейзажиста и организовал выставки его картин в Берлине и Лондоне, а затем в Америке. На американской земле А. А. Борисов оказался спустя несколько лет после заключения русско-японского мирного договора, подписанного 5 сентября 1905 г. в Портсмуте, когда имя С. Ю. Витте еще пользовалось там популярностью. Витте дал Борисову рекомендательное письмо к президенту САСШ Теодору Рузвельту. Президент устроил русскому художнику «радушный прием», что обеспечило выставкам работ Борисова в Америке блестящий успех (там Борисов мог завести деловые знакомства, пользуясь покровительством Т. Рузвельта)¹⁶.

Позже Витте писал: «Борисов родился на Севере, это – его стихия. Он каждый год ездил туда и несколько лет назад был на Новой Земле»¹⁷. Во время этих северных поездок и родилась идея. Ее движущим мотивом были неудачные попытки освоения Северного морского пути в целях

транспортировки грузов с севера Европейской России в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Борисов стал пропагандировать мысль о строительстве надежного железнодорожного пути, не зависящего от ледового режима северных морей. До революции ему удалось завербовать целый ряд сторонников проекта. Среди них оказались известные русские художники – братья Виктор и Апполинарий Васнецовы.

В своих воспоминаниях советский океанолог-полярник В. А. Васнецов коснулся участия своих близких родственников в проекте. Из беседы с Н. П. Борисовым – племянником Александра Алексеевича Борисова – ему стали известны некоторые подробности. Так, племянник художника утверждал, что видел среди проектной документации эскизы станционных зданий, выполненные в русском стиле братьями Васнецовыми. Он также подтвердил, что на окончательное решение А. Борисова о целесообразности строительства сухопутной магистрали повлияла тяжелая экспедиция в Карское море, в которой тот участвовал в 1900 г.¹⁸

Несмотря на все усилия, идея Борисова поддержки до революции не получила. Советское правительство тоже отклонило концессионное предложение, на что повлиял ряд серьезных причин. Во-первых, предприниматели просили у советского правительства аванс в 50 млн золотых рублей. Однако еще 23 сентября 1918 г. при обсуждении вопроса о концессиях на Пленуме ВСНХ РСФСР член Президиума ВСНХ А. Ломов (Г. И. Оппоков) в отношении предложения Борисова – Ганневига заявил: «Мы можем категорически сказать, что никаких авансов иностранным фирмам, которые желают заниматься у нас грандиозным строительством, мы, советская республика, никоим образом не намерены давать». Во-вторых, фирма «Ганнеvig», ссылаясь на «ряд чрезвычайно трудных стеснительных обстоятельств на денежном рынке», требовала разрешить организацию в Советской России так называемых расчетных палат, которые, по мнению Президиума ВСНХ, представляли собой «зародышевые формы банков». В то время это признавалось совершенно неприемлемым, так как «подрывало» мероприятия советской власти по национализации банков¹⁹.

Президиум ВСНХ выступил также против предложенной предпринимателями схемы процентного отчисления валового дохода от эксплуатации леса. Те предложили отчислять государству плату согласно таксировочным ценам 1914–1917 гг. ВСНХ находил размеры этой платы неприемлемыми, как и размеры испрашиваемой лесной площади. Кроме того, руководство ВСНХ отрицательно восприняло просьбу предпринимателей предоставить им монополию на разработку всех нефтяных месторождений в районе Ухты, которые могли быть там разведаны²⁰.

Тем не менее первый опыт ВСНХ по составлению концессионного договора с группой Борисова – Ганневига не пропал даром. В будущем этот

неутвержденный договор послужил основой для разработки положений типового концессионного договора в лесной промышленности²¹.

В тот период имелось еще несколько концессионных проектов – строительства железной дороги Ростов-на-Дону – Орел с выходом на Петроград, сооружения Онего-Беломорского канала, Камско-Печорской концессии, проект гражданина Сазонова и профессора Данилевского и т. д.

Однако действительно крупное концессионное предложение, получившее значительный резонанс в России и мире, было сделано летом 1920 г. американским предпринимателем Вашингтоном Б. Вандерлипом. Первоначально советское правительство демонстрировало заинтересованность в нем. 22 октября 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин заявил о предоставлении американскому предпринимателю концессий сроком на 60 лет. Концессионер получал исключительные права на добычу угля, нефти и развитие рыбных промыслов на территории свыше 400 тыс. квадратных километров, которая включала в себя Камчатку и Чукотку²².

Однако в первую очередь советская сторона в своих действиях руководствовалась внешнеполитическими соображениями. В концессиях Вандерлипа Москва видела противоречие экономическому и военному доминированию Японии на Дальнем Востоке.

Вандерлип был принят В. И. Лениным. Позже в своих выступлениях на собрании секретарей ячеек московской организации РКП (б) и на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин так прокомментировал позицию советского руководства на переговорах: «Мы даем Америке такую территорию для экономической утилизации, где у нас абсолютно нет, и куда мы не можем дать ни морских, ни военных сил. И, давая это, мы привлекаем американский капитализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках Дальневосточную республику»²³.

Вступление концессионного соглашения в силу увязывалось советским руководством с признанием де-факто Советской России Соединенными Штатами. Последнее обстоятельство подогревалось тем, что Вандерлип рекламировал свои якобы тесные связи с высшей американской бюрократией. Он пытался доказать, что является представителем консорциума богатых американцев с западного побережья. При этом Вандерлип ссылаясь на некие письма от Уоррена Дж. Гардинга, сенатора штата Огайо (и будущего президента САСШ). Официальных советских лиц ввела в заблуждение также сама фамилия американского предпринимателя. Они стали ассоциировать его с Фрэнком А. Вандерлипом – бывшим президентом National City Bank of New York²⁴.

В итоге никакого дипломатического признания со стороны САСШ не последовало. Государственный департамент САСШ отказался тогда

изменить свою негативную позицию по этому вопросу²⁵.

В. И. Ленин на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. открыто выразил свою досаду в отношении американского предпринимателя²⁶.

Позже весьма откровенно свое отношение к Вандерлипу высказал заместитель наркома по иностранным делам М. М. Литвинов. В своем письме председателю Главного концессионного комитета при СНК РСФСР Г. Л. Пятакову он писал: «Мы в свое время, несомненно, переоценивали значение Вандерлипа и попали впросак. Вандерлипа в Америке никто всерьез не принимает, и тем шумом, который мы подняли вокруг этой концессии, мы, скорее, дискредитировали себя. Своими дальнейшими действиями Вандерлип доказал, что в его лице мы имеем дело с обыкновенным маклером мелкого пошиба и авантюристских наклонностей»²⁷.

Кстати, «авантюристические наклонности» Вашингтона Б. Вандерлипа сформировались еще в конце XIX в. «Золотая лихорадка» влекла американских золотоискателей не только на Аляску. В 1898–1903 гг. они отправились на Чукотку, Камчатку и Колыму. Именно на Камчатке и Колыме в 1898 г. Вандерлип искал золото²⁸.

В 1920 г. главной идеей Вандерлипа стала реализация самого авантюрного в его жизни плана. Он намеревался занять место посредника между правительствами РСФСР и САСШ в вопросе продажи Камчатки американцам²⁹. Советская сторона от услуг Вандерлипа отказалась.

Еще одно резонансное концессионное предложение было сделано в конце 1920 г., то есть еще до начала принятия в Советской России курса на реализацию новой экономической политики. Отказ советского правительства удовлетворить эту заявку должен был продемонстрировать один из принципов советской концессионной политики. Речь идет о «деле Уркарта». Оно началось в 1920 г. с «завязки» переговоров с известнейшим английским предпринимателем Лесли Уркартом – главой Русско-Азиатского акционерного объединенного общества.

В 1927 г. Главный концессионный комитет при СНК СССР особо выделял «развязку» дела Уркарта в октябре 1922 г. В докладе Главконцесскома прямо говорилось: «Отклонение договора с Уркартом имело в основном то значение, что демонстрировало наш отказ от реституционных концессий и нашу уверенность в возможности восстановить хозяйство своими силами»³⁰.

Впрочем, так называемые реституционные концессии порой имели место, да и «развязка» дела Уркарта произошла не в 1922 г., а значительно позже.

Детище Лесли Уркарта – Русско-Азиатское объединенное общество – было создано в 1919 г. с целью объединения существовавших до революции в России предприятий ряда английских обществ: Общества Кыштымских медных заводов, Общества Южноуральских (Таналыкских) медных заводов,

Общества Риддеровских серебряноцинковых рудников и Общества Экибастузских каменноугольных месторождений. Русско-Азиатское общество претендовало и на рудоносные площади (в основном медные) бывшего Общества разведочных работ в районе казахстанских степей. Кроме того, в общество Уркарта влилось Русско-канадское общество³¹.

По образованию Лесли Уркарт был горным инженером и в 1896–1906 гг. работал в России, на бакинских нефтяных промыслах. Позже он стал крупным промышленником и финансистом, вошел в правления крупных английских обществ, подвизавшихся в горной промышленности России. Во время русской Гражданской войны Л. Уркарт являлся одним из советников адмирала А. В. Колчака, а в Великобритании возглавлял Общество кредиторов России. Несмотря на то что «завязка» переговоров с Уркартом относилась к 1920 г., предварительный концессионный договор с ним был подписан только 9 сентября 1922 г. в Берлине.

С советской стороны его подписывал Л. Б. Красин. В соответствии с условиями договора Уркарт получал в концессию все бывшие предприятия английских обществ, вошедших в Русско-Азиатское объединенное общество. Однако 7 октября 1922 г. СНК РСФСР отказался ратифицировать соглашение, несмотря на то что оно имело сторонников в лице как Л. Б. Красина, так и председателя Главного управления горной промышленности ВСНХ В. М. Свердлова. Вплоть до 1929 г. Уркарт возобновлял неоднократные попытки реанимировать концессионное соглашение, но безуспешно. В результате он перенес свою деятельность во Францию, Австралию и Новую Гвинею³².

Неудача Уркарта не сильно повлияла на финансовую устойчивость его общества. К середине 1920-х гг. его реализованный основной акционерный капитал составлял почти 8,5 млн фунтов стерлингов (весь уставной акционерный капитал равен был 12 млн фунтов стерлингов). Кроме этого, Русско-Азиатское объединенное общество приобрело крупный пакет акций французского общества «Компани Нувель де Вильман», владевшего цинково-серебряными и свинцовыми рудниками в Южной Франции. В своем отчетном докладе на общем собрании акционеров 17 декабря 1925 г. Лесли Уркарт указал, что после уплаты всех обязательств наличный капитал Русско-Азиатского общества составляет 500 тыс. фунтов стерлингов. Причем здесь не учитывались русские и французские активы общества, а также портфель акций «Компани Нувель де Вильман», который на бирже тогда оценивался в 600 тыс. фунтов стерлингов³³.

Подписанный в 1922 г. в Берлине предварительный концессионный договор между обществом Уркарта и Л. Б. Красиным содержал условие, согласно которому советское правительство должно было вернуть бывшим собственникам английских горных предприятий в России 2 млн фунтов стерлингов. Это был явно «реституционный» момент договора, несмотря

на то что означенные средства предназначались для восстановления предприятий³⁴.

Из этой суммы 150 тыс. фунтов подлежали выплате Уркарту в течение двух месяцев действия договора. Остальная же часть должна была выплачиваться в течение 15 лет, причем с начислением 3% через каждые три года. Срок концессии был совсем не типичным для советской практики – 99 лет³⁵.

Если абстрагироваться от «реституционного момента», то по логике советского руководства выходило, что Уркарт намеревался вести свою деятельность на советской территории на советские же средства. Тем не менее в пользу сдачи концессии продолжал выступать Л. Б. Красин. В своей речи на XII съезде РКП (б) в 1923 г. он подчеркивал, что Уркарт гарантировал восстановление довоенного уровня производства в течение 2–3 лет и что 40 тыс. советских рабочих в соответствии с концессионным договором получали бы тот уровень заработной платы, который определялся бы для них народным комиссариатом труда и профсоюзами.

Его оппонентом выступал советский горный инженер К. Вандербеллен. Он не соглашался на срок концессии свыше 25 лет, его не устраивала минимальная производственная программа, он отрицал какую-либо финансовую помощь концессионеру со стороны Советского государства³⁶. Правительство СССР так и не ратифицировало берлинский договор с Лесли Уркартом.

Эти первые концессионные предложения являются яркой иллюстрацией того понимания концессии, которое в самом начале советской власти имелось у специалистов ВСНХ. Под концессией тогда главный хозяйственный орган Советской России понимал предоставление иностранному капиталу «некоторой части советской территории с находящимися на ней и в ее недрах богатствами». Речь шла о праве иностранцев эксплуатировать сырьевые и трудовые ресурсы, объекты транспорта, электрические сети, объекты связи и другие объекты публичной собственности на весьма обширных территориях³⁷.

При дальнейшем развитии концессионной практики масштаб концессий сузился до размеров отдельного объекта или комплекса взаимосвязанных между собой объектов. Характерно, что все упомянутые первые концессионные проекты (кроме проекта Уркарта) имели место до создания в стране институциональной базы для использования концессий – закона о концессиях. В. И. Ленин, активно выступавший в конце 1920 г. по различным вопросам концессий, во многом инициировал принятие 23 ноября 1920 г. декрета «Об общих экономических и юридических условиях концессий».

Примечания

¹ См.: *Аскеназий С. И.* Народное хозяйство Советских Республик за 1917–1924 гг. Л., 1925. С. 4–5.

² Там же. С. 5.

³ *Хромов С. С.* Иностранные концессии в СССР : Исторический очерк. Документы : в 2 ч. Ч. I. М., 2006. С. 117.

⁴ См.: *Ландау Б. А.* Концессионное право Союза ССР (С приложением действующих законов о порядке предоставления концессий). М., 1925. С. 17–18.

⁵ См.: *Юферева Е. В.* Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969. С. 42.

⁶ *Бутковский В.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М. ; Л., 1928. С. 25.

⁷ *Дергачева Н. П.* Концессии. Л., 1925. С. 7.

⁸ См.: *Хромов С. С.* Указ. соч. С. 10.

⁹ См.: Производительные силы Севера России. 1922. Вып. II. Лесное хозяйство. С. 91.

¹⁰ См.: *Майер В. И.* Лесные концессии на Севере Европейской России // Производительные силы Севера России. 1922. Вып. II. Лесное хозяйство. С. 74.

¹¹ Там же. С. 74–75.

¹² См.: *Хромов С. С.* Иностранные концессии в СССР : Исторический очерк. Документы. Ч. I. С. 110.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 126. Л. 9.

¹⁵ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары : в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 512.

¹⁶ Там же. С. 517.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: *Васнецов В. А.* Повести северных морей. Л., 1977. С. 7.

¹⁹ *Хромов С. С.* Указ. соч. С. 110–111.

²⁰ Там же. С. 111.

²¹ См.: *Майер В. И.* Указ. соч. С. 75.

²² Советско-американские экономические отношения в бассейне Тихого океана / общ. ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Чичканова и проф. Дж. Стефана. М., 1987. С. 115.

²³ Цит. по: *Рубинштейн Н.* Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921–1922 гг.). М., 1948. С. 83.

²⁴ Там же. С. 116.

²⁵ См.: *Булатов В. В.* «Нам архиважны соглашения и концессии с американцами ...» (Торгово-экономические связи СССР и США, 1918–1933 гг.) // Экономическая история России : проблемы поиска решения : ежегодник. Вып. 5. Волгоград, 2003. С. 131.

²⁶ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1982. С. 188.

²⁷ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930-е гг.) : документы и материалы / под ред. проф. М. М. Загорулько, проф. А. Х. Абашидзе ; сост. М. М. Загорулько, В. В. Булатов, А. П. Вихрян (отв. составитель), В. Н. Косторниченко, Т. В. Царевская-Дякина. М., 2003. С. 138.

²⁸ См.: Советско-американские экономические отношения в бассейне Тихого океана. С. 110.

²⁹ См.: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.) : документы и материалы / под ред. проф. М. М. Загорулько ; сост. М. М. Загорулько, В. В. Булатов, А. П. Вихрян, О. В. Иншаков, Ю. И. Сизов, Т. В. Царевская-Дякина. М., 2005. С. 832.

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5240. Оп. 18. Д. 2549. Л. 26.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 699. Л. 25.

³² См.: Иностранные концессии в сфере добычи и обработки руд цветных металлов в России и СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / под ред. А. А. Клишаса; сост. М. М. Загоруйко, М. В. Дятчин, Т. В. Царевская-Дякина. М., 2005. С. 363.

³³ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 699. Л. 25–26.

³⁴ Там же. Л. 26.

³⁵ Иностранные концессии в сфере добычи и обработки руд цветных металлов в России и СССР (1920–1930-е гг.). С. 364.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Хромов С. С. Указ. соч. С. 117.

УДК 94(470)19

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье показаны чрезвычайные органы власти как значительный элемент советской государственной системы в первые десятилетия ее существования. Рассматриваются исторические, структурные и доктринальные истоки этого явления, деятельность чрезвычайных органов в период Гражданской и Великой Отечественной войн.

Ключевые слова: государственная система, советская власть, чрезвычайные органы, централизация управления, комитеты обороны.

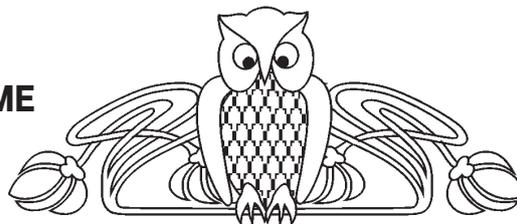
Extraordinary Authorities in the Soviet State System

V. N. Danilov

The article describes the extraordinary authorities as a significant element of the Soviet State system in the first decades of its existence. It studies historical, structural and doctrinal grounds of its phenomenon, the activity of extraordinary bodies during the Civil war and the Great Patriotic War.

Key words: state system, soviet regime, extraordinary authorities, centralization of power, defense committee.

В современной отечественной исторической литературе при определении характера советской государственной системы развиваются разные подходы: от восприятия некоторых западных концепций до попыток найти историческое обоснование для защиты большевиками национально-государственных интересов России. Разумеется, советская система государственного управления возникла и развивалась в конкретных исторических и национальных условиях и ее нельзя свести только к неким оценочным определениям, что мы наблюдаем в случае построения ряда современных концепций российской государственности¹. В советской системе воспроизводились и использовались дооктябрьские государственные структуры на основе жесткой централизации, приоритета политики над экономикой, и в то же время революционная практика и логика развития страны после октября 1917 г. обусловили качественную

новизну советской модели устройства общества, важнейшими политическими составляющими которой стали однопартийность и государственность мобилизационного типа.

В этой связи для практики советского государственного управления особое значение имели различные чрезвычайные органы власти, учреждения, не оговоренные конституцией или специальным законом. Законом утвержденные органы государственного управления могли наделяться чрезвычайными полномочиями. Представляется, что рассмотрение в данном контексте чрезвычайных органов власти, существовавших на отдельных этапах послеоктябрьской истории, важно для понимания советской системы и происходивших в то время политических процессов.

Исторические, доктринальные и структурные истоки явления

Если обратиться к практике управления дореволюционной России, можно встретить множество различных структур, носивших наименование особых или созданных в связи с исполнением каких-либо временных функций. Только за период с 1801 по 1905 г. в составе Государственного совета действовало 45 особых комитетов, совещаний, комиссий и присутствий, помимо Комитета министров периодически создавались высшие комитеты по тем или иным делам². Однако по способу создания и объему полномочий они немногим отличались от других, «не особых» учреждений государственного управления. Что же касается известного Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., то оно при введении усиленного или чрезвычайного вида охраны предусматривало наделение уже существующих административных органов полномочиями вне общего законного и судебного порядка³. В данном случае важным является